

Алексанян Нелли Арушановна, Филоненко Татьяна Владимировна

**МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ОБЛИК ОТВЕТСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ
ВЛАСТИ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ (1917-1922 ГГ.)**

В статье авторы обращаются к действиям ответственных служащих Воронежской губернии в годы Гражданской войны, касаются проблемы их морально-этического облика, раскрывают наиболее характерные пороки и виды совершенных ими преступлений. Прослеживается отражение на общественных настроениях фактов девиантного поведения ответственных служащих. Рассматривается кадровая политика советской власти в аспекте принимаемых мер по формированию этики и санкций к ответственным служащим, злоупотреблявшим властью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/3.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 23-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)“1917-1922”(470.324)

Исторические науки и археология

В статье авторы обращаются к действиям ответственных служащих Воронежской губернии в годы Гражданской войны, касаются проблемы их морально-этического облика, раскрывают наиболее характерные пороки и виды совершенных ими преступлений. Прослеживается отражение на общественных настроениях фактов девиантного поведения ответственных служащих. Рассматривается кадровая политика советской власти в аспекте принимаемых мер по формированию этики и санкций к ответственным служащим, злоупотреблявшим властью.

Ключевые слова и фразы: ответственные служащие; грубость; пьянство; взяточничество; хищение государственного имущества; инспекция; ревтрибунал; «чистка».

Александия Нелли Арушановна**Филоненко Татьяна Владимировна**, д.и.н., профессор*Воронежский государственный педагогический университет**edelweis65@yandex.ru; filonenkotv@gmail.com*

**МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ОБЛИК ОТВЕТСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ
СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922 ГГ.)**

Осмысление опыта кадровой политики советской власти, его специфических черт и закономерностей позволит извлечь уроки, полезные для текущей политической практики.

Исследование базируется на архивных источниках: сводках, отчетах, сведениях, переписке и информационных материалах государственных органов власти; материалах прессы, мемуарах и пр.

Уже с первых дней существования советская власть испытывала «кадровый голод». Причинами являлись саботаж «бывших» и боевые действия, в ходе которых гибли в первую очередь преданные идейные борцы, люди самоотверженные, которым стыдно было прятаться за чужими спинами. Им на смену приходили карьеристы, для которых ответственная должность являлась средством для достижения личных благ. (В этом заключался парадокс и несправедливость революционного времени.)

Иллюстрацией являются свидетельства граждан Верхнекотуховки об ответственных партийцах, которые во время нашествия белых в июне 1919 г. на Воронежскую губернию уклонялись от участия в боевых действиях: «...когда сидели у власти, очень гордились, а как попросили их на фронт, то они стали прятаться по лесам и полям...» [29, с. 228-229].

Дефицит кадров и отсутствие времени на их фильтрацию вынуждали принимать на службу практически всех желающих, в первую очередь из пролетариев. А пролетарии бывают разными. По этому поводу сами большевики выразились так: «Что же нам делать, раз порядочные люди к нам не идут? Приходится брать пока всякие людские подонки – надо же с кем-нибудь работать. Но это только вначале, а потом всю эту сволочь мы вычистим так, что от неё и памяти не останется» [30, с. 15].

На воронежских большевиков указывали их враги в контрреволюционной газете. Местная газета перепечатала заметку и смело опубликовала её, чтобы показать, что про них пишут: «...Большевистские главари восприняли все чисто “буржуазные” привычки: имея массу денег, они заполняют театры, рестораны, катаются на лихачах и т.д.» [6, с. 2].

Факты проявления барства, открытая тяга к роскошному образу жизни и материальным излишествами вызвали общественное недовольство.

ГубЧК издала приказ, запрещающий катание на «казенных лошадях», однако это не прекращалось. Об этом говорилось в местной газете: «...Проходя по городу, то и дело встречаешь всевозможных советских чиновников с девицами, мчащихся на лошадях с неимоверной быстротой. По вечерам к театрам подкатывают подобные парочки, которых целый вечер до окончания спектакля ожидает кучер у подъезда» [5, с. 4].

Можно предположить, что факты безнравственного, преступного поведения партийных и ответственных служащих были нередки, если их высмеивали в местной печати корреспонденты, как, например, Наталья Кузьмина в стихотворении «Комиссар»:

«О своей преданности жаркой
Советской власти он вопит:
В театр идёт по контрмарке,—
Впереди всегда сидит.
В автомобиле разъезжает
И по буржуйски ест и пьёт:
Дела небрежно разбирает,
На посетителей орёт.

Советской власти верно служит,—
И без неё не пропадёт:
Он о Советах не затужит
И в черносотенцы пойдёт.
На комиссарском злчном месте
Тип этот долго не сидит.
И, хапнув тысяч, этак двести,
На Дон тотчас же улетит!» [3, с. 4].

От ответственных служащих губернского уровня власти («не отставали») и ответственные служащие низовых органов власти, в волостях и селах, пользуясь отдаленностью от руководства, о чем докладывали председатели уездных исполкомов. Из Нижнедевицкого уезда: «...военный руководитель в Семидесятской волости позволил себе явиться на праздник революции в пьяном виде и буйствовать, чем нарушил стройность праздника, вызвав негодование всех. Есть и случай бегства с народными деньгами». Из Задонского уезда: «Главное зло – это отсутствие на местах хороших честных работников. Приходится констатировать неоднократно замеченный факт, что ответственные работники уличены... в поступках самого низкопробного качества. Так, например, б. председатель (*бывший* – Н. А., Т. Ф.) Казинского Совдепа продает мануфактуру, которая у него найдена в довольно большом количестве, а члены Земельного Отдела Тешевской волости уличены в самом бесстыдном хищении народных денег, в подделке расходных ордеров». Из Землянского уезда: «...Многие ответственные работники не стоят на должной высоте, применяя держимордовские приемы... Члены Исполкома выпивают, а на местах-то председатель занимается самогонкой...» [2, с. 16].

Михайловский волостной комиссариат 15 января 1919 г. донес в Бобровский уездный комиссариат: «...местный Совет функционирует плохо и иногда получается пьянство членами Совета и потому население относится недоверчиво и отрицательно... на что местная ячейка приняла самые решительные меры и членов Совета счислила с занимаемых должностей и исключила из партии» [19, д. 4, л. 34].

Мнение граждан о местной власти в с. Семеновка Уваровской волости высказала пожилая женщина военному комиссару Милосердову, когда он спросил, знает ли она нового «начальника» волости: «А! П'етра – фулиган, который каждую неделю три дня на чугунке работал, а три дня у казенки валялся... Как не знать – знаем его! Какой же он начальник?.. Тьфу!» (*вскоре Петр сбежал* – Н. А., Т. Ф.) [30, с. 56, 57].

Образ жизни некоторых ответственных служащих расходился с рисуемым пропагандой обликом бескорыстного коммуниста, борца за идею. Советская власть, была крайне заинтересована в создании позитивных представлений о себе, в широком и массовом распространении собственной репрезентации в сознании общества. Власть внимательно реагировала на жалобы населения на недостойное поведение ответственных служащих власти. Кроме того, представители вышестоящего уровня власти периодически инспектировали нижестоящие органы власти.

На заседании Воронежского уездного исполкома от 30 мая 1919 г. докладчик Крюков, делаясь впечатлениями о поездке по волостям, отметил, что «местная власть не авторитетна и преступна. Как она может успешно вести агитацию и кто поверит их словам, когда за поступки иногда смело можно было привлекать даже к уголовной ответственности» [12, д. 3, л. 42].

Раздражение и усталость населения, вызванные тяготами Гражданской войны, усугублялись поведением некоторых представителей местной власти. Культура обращения местной власти с населением, неумение вести диалог влияли на общественные настроения, о чем иллюстрирует следующее событие. 24 августа 1919 г. в Бобровский уездный ревком по телефону от Чесменского волревкома было получено тревожное сообщение о внезапно происшедшем в с. Чесменка «восстании баб» в количестве 400 человек, с просьбой для его подавления выслать отряд в 15 человек. Позже второй звонок сообщил, что разгневанная толпа разошлась и опасность миновала. Несмотря на это, для проявления инициативы и инспекции работы Чесменского волревкома туда был командирован заведующий Бобровского уездного отдела Юстиции и Уполномоченный уревкома Т. П. Недоростков. В ходе расследования им были опрошены самые активные участницы «восстания», которые рассказали, что они подошли к зданию Совета, вызвали председателя Ивана Ильича Толбинского и стали ему «...по очереди жаловаться, каждая баба про свои обиды, вскоре тут появилась девочка в картузе, которую все называли какую-то “Ревко” (*речь идет о члене Чесменского волревкома Надежде Александровне Маревской* – Н. А., Т. Ф.). Эта Ревко стала на нас кричать, я говорю вас всех арестую и расстреляю». Явившиеся вскоре два верховых солдата по ее приказу «стали топтать нас лошадьми; один из них выстрелил из ружья» [25, д. 11, л. 202, 202 об.].

При ее угрозах «собравшиеся женщины стали... открыто говорить: “брось чужого мужа, сука, и уезжай отсюда, откуда приехала”, а председателю Ревко стали говорить так: “Эх, Иван Ильич, хороший ты человек, а вот только одним плох, что жену бросил и связался с этой членом “Ревко”, которая распоряжается и нами и тобой”» [Там же, л. 200, 201].

Т. П. Недоростков обвинил местную власть в запугивании населения, в ее равнодушии к нуждам граждан. Например, по собранным сведениям об убитых и пропавших без вести в Первой мировой войне граждан с. Чесменка выяснилось, что семьи их не получили ни разу никаких пособий. На сходе, который Т. П. Недоростков собрал 31 августа, чтобы побеседовать с сельчанами, Варвара Егоровна Грибанова заявила о том, что когда она спросила в Ревкоме, будет ли ей пособие за убитого её мужа или нет, то на это ей ответили так: «Николай убит, с Николая и спрашивай» [Там же, л. 208, 208 об.].

Т. П. Недоростков в заключении своего расследования написал: «самой экстренною и действительною мерой к устранению причин возникновения подобного рода так называемых восстаний в данном случае признаю: 1) немедленное удаление из личного состава Чесменского Волревкома – ревностного не по разуму члена такового “девочки в картузе” Н. А. Маревской, которая по своей молодости и наивности (*ей было 18 лет* – Н. А., Т. Ф.) не приобрела ещё искусства различать деловые общественные обязанности от личных дружеских интимных отношений...; 3) уволить председателя Чесменского Сельского Совета Якова Ивановича Паршикова, который всячески старается запугать население отрядами солдат... от 4/IX-1919 г.» [Там же, л. 209, 209 об.].

О присвоении хлеба ответственными партийцами Тавровского волисполкома доложил в Воронежский уездный отдел Управления инструктор-ревизор Информационно-инструкторского подотдела Соловьев, побывавший там в командировке в июле 1919 г.: «...у бывшего председателя Волисполкома, ныне зав.земельным

отделом Шебуняева <...> найдены излишки хлеба в количестве 10 пудов, спрятанные под периной и у председателя волисполкома Редькина также найдено под кроватью 10 пудов хлеба. Редькин и Шебуняев подавали заявления в Упродком, что они не имеют хлеба и на предмет выдачи пайка» [9, д. 43, л. 13].

Как на это отреагировала власть? Отдел Управления Воронежского уезда послал в Тавровский волисполком инструктора А. В. Ивлева, который прибыл туда 10 июля. Проанализировав работу волисполкома, он распорядился Редькина отозвать от занимаемой должности предволисполкома, а на должность заведующего Земельного отдела назначить Шебуняева [Там же, л. 11].

Следователь Леонид Воскресенский представителей власти Бурнакской волости Борисоглебского уезда охарактеризовал так: «...происходя частенько из отмеченных ранее позорным клеймом вора, пьяницы и пр. пробуждают в крестьянстве недоверие к власти и неуважение к ней... Были случаи конфискации для пользования исключительно коммунистов: граммофонов, овец и пр. и эти недочеты повлекли за собой неуважение вообще к РКП... 1919 года, декабря 4 дня» [18, д. 46, л. 59].

Уполномоченные Монастырщенской волости – красноармеец Максим Сергеевич и Андрей Александрович Сыпткин – доложили 14 апреля 1920 г. в Богучарский уездный военный комиссариат, что «злоупотребления и нерадение советских властей Монастырщенской волости» были причинами дезертирства граждан [17, д. 47, л. 57, 57 об.].

Для проверки жалоб граждан на председателя Колыбельского волисполкома Гусакова на место прибыли член компартии, инструктор Центропечати и заведующий Лискинского агентства с разведчиком ОРТЧК (отдел разведки транспортной чрезвычайной комиссии) Диевым. В ходе расследования подтвердились злоупотребления Гусакова: «Приезжая в какое-либо из сел своей волости под лозунгом служебных делов но между тем пользуясь нагнанным страхом на граждан начинает устраивать со своими членами дикую попойку, но скрытно, и когда теряет сознание от выпившего самогона начинает устраивать на глазах крестьян драки, избивая кого-нибудь из граждан... Незаконное распоряжение его в пьяном виде иногда выливается в форму взыскания штрафа с граждан своей волости, что партийному человеку недопустимо... 10 июля 1920 г.» [16, д. 40, л. 111, 111 об.].

Ревизор А. Ткачев доложил заведующему отделу Управления Богучарского уисполкома как «в Быковской волостной исполком приезжал какой-то уполномоченный, ... который в грубом отношении обращался к Совету угрожая им лагерем и арестом за работы исполкома и одновременно требует с них жареной курятины для себя. 2 марта 1920 г.» [17, д. 47, л. 31 об.].

Ново-Хворостанский волисполком Коротоякского уезда в марте 1920 г. сообщил, что «Заведывающий Давыдовским заразным бараком Драгаченко сбежал, захватив с собою казенных и красноармейских денег 60.000 руб. <...>» [20, д. 51, л. 82].

К концу 1919 г. белые войска были изгнаны с территории Воронежской губернии, вместе с ними ушли некоторые граждане, покинув свои дома. После этого в пригородах Воронежского уезда развилась спекуляция этими домами. Например, члены Троицкого волисполкома «Семенихин и Тихонов продали собственные свои дома за цену превышающую норму для заключения договора о купле и продаже т.е. свыше 10.000 руб. и получили для себя дома от ревкома бесплатно... в отделе Управления имеются сведения о том, что в Троицком поселке многие ещё из членов исполкома и Совета... получили для себя дома за счет волревкома и исполкома» [9, д. 38, л. 274].

Для пресечения спекуляции домами, «так как в этом случае имеется много злоупотреблений», отдел Управления Воронежского уисполкома обратился в августе 1920 г. к центральной власти с предложением распространить декрет об отмене частной собственности на дома в городах также и на дома, находящиеся в пригородах [Там же].

Граждане с. Подгорное Подгоренской волости Воронежского уезда на общем собрании 8 октября 1921 года обсудили покупку гражданином Подпороковым Семеном Николаевичем дома священника Богомолова, бежавшего с белыми. На собрании было вынесено решение ходатайствовать перед Президиумом уисполкома о незаконности покупки, «ибо означенный гр-н Подпороков как старый монархический служака, во время нашествия Шкуровских банд... Первый внёс икону в покинутое здание Волисполкома, ... все время старался примазаться к продорганам для своей личной наживы, что доказал в настоящее время будучи мельничным Волконтролером, как это видно из процесса покупки дома за 7 ½ мил. руб. и часть дома обещал уплатить мукой...» [15, д. 91, л. 57, 57 об., 60].

Газета «Воронежская Коммуна» от 23 января 1922 г. в № 214/866 с комментарием «В медвежьих уголках воронежской деревни местные власти творят то, что Бог на душу положит» написала о селе 1-ая Семеновка В-Хавской волости Воронежского уезда, в котором председатель, чтобы весело сыграть свою свадьбу, собрал с граждан вместо одного пуда по два пуда общегражданского налога. Позже, чтобы якобы ходатайствовать о сложении продналога с семей-красноармейцев, вдов, недосевников и др., начальство собрало по 2 миллиона рублей с каждого гражданина, «что выразилось в сумме порядочной. Выбрало ходатаем местного милиционера Новикова на командировку его в Воронеж, однако тот дошел до Хавы и вернулся. Денег гражданам не вернули» [9, д. 167, л. 138].

Жители и рабочие ст. Воронеж направили коллективное заявление от 18 августа 1922 г. заведующему отделу Управления Воронежского уисполкома Авилову с просьбой удалить с должности председателя и секретаря сельсовета, называя их «типами», обвиняя в пьянстве и нерадении [11, д. 162, л. 679, 679 об.].

Газета «Красная деревня» от 6 февраля 1921 г. сообщала, как Мосальский сельсовет Можайской волости Воронежского уезда во главе с председателем Тузиковым неоднократно устраивал пир за счет «кур, взятых

в счёт развёрстки, <...> а развёрстку на кур граждане так и не могут выполнить. Те же дела творятся и при выполнении развёрстки на кожи и овчины» [26, д. 124, л. 48].

Член Ново-Уколовского волисполкома Коротоякского уезда Ан. Дим. Юдин обвинялся на волсъезде 30 ноября 1921 г. в том, что «он замотал деньги общественные за 42 п. хлеба, затем овец и т.п.». Юдину пришлось сдать дела, и он в отместку навредил волисполкому, выкрыв Акт забронированных картофельных семян [23, д. 25, л. 14 – 16 об.].

Грубость и чванливость нередко были чертами служащих, распределяющих какие-либо необходимые продукты. О недопустимости грубого обращения с посетителями членам Усманского волисполкома, особенно заведующему пайкового подотдела, указывала телефонограмма заведующего уездного отдела Управления Кончагина от 20 июня 1920 г. В ней предупреждалось, что «в случае повторных подобных случаев некорректного обращения с просителями даже председатели будут привлекаться к ответственности» [13, д. 15, л. 247].

Новохопёрский уездный военком пожаловался губернскому военкому о нетоварищеском обращении и несправедливостях при распределении стопок бумаг: «...некоторые уезды уже и получили», а некоторых приемщиков из уезда «т. Дьячков обрывает грубыми словами, гоняет из отдела в отдел... чуть ли не гонит в шею... 5 августа 1920 г.» [24, д. 104А, л. 138].

В годы Гражданской войны у партийцев, особенно низового уровня, проявлялись максимализм и нетерпение, проистекающие от примитивного образа мышления и малообразованности. В описываемом примере участники конфликта повздорили на пустом месте во время пленарного заседания в помещении Митрофановского волисполкома Богучарского уезда. Член Рабоче-крестьянской инспекции А. Котов, будучи свидетелем инцидента, поставил об этом 3 января 1921 г. в известность Богучарскую уездную Рабоче-крестьянскую инспекцию. «...В комнату, где происходило заседание вошли Уполномоченный Упродсовещения т. Гусев и Уполномоченный Волпродсовещения т. Бахметьев с папирсой во рту, которым член Волревкома, он же и местный волвоенкомат т. Марьев сделал замечание о том, что в Советском Учреждении во время занятий курить воспрещается и попросил их предъявить свои мандаты для регистрации...». На этой почве произошел конфликт, «перешедший в угрозу друг друга застрелить, причем оба они выхватили револьверы» [22, д. 7, л. 58].

Поведение членов волисполкома с. Ивановки Воронежского уезда с возмущением описывал корреспондент Г. Ядовитый в заметке «Вот так исполком»: «Трудно живется большинству крестьян в Ивановке... Местные же члены волисполкома заботятся лишь о своих “бранных телесах”: например, пьянствуют, устраивают целые пиры, развратничают и, по заявлению, многих, берут взятки... С молодчиками из волисполкома придется поступить по-революционному быстро – пулю в поганые лбы за подрыв Советской власти» [4, с. 3].

После публикации о себе оскандалившийся Ивановский волисполком, опасаясь санкций, по всем пунктам отчитался руководству: в Воронежский уисполком, отрицая все упомянутое в заметке [10, д. 48, л. 6 – 8 об.]. Кроме того, в 12-ти селах волисполкома были проведены собрания, на которых были приняты постановления: «...считаем все поименованное в заметке неправильным, явным вымыслом. Приветствуем выборных членов исполкома за их хорошее отношение к службе» [Там же, л. 2-23].

Волисполком после критической публикации о себе ждал «гостей» с проверкой. Время для подготовки было. Газета вышла 18 января, а инструкторы Соловьёв и Иевлев из отдела Управления Воронежского уисполкома прибыли 3 февраля. В ходе проверки факты, изложенные в газете, не подтвердились, о чем они доложили руководству [Там же, л. 5, 5 об.].

Романенко, командированный для инспекции низовых советских и партийных органов власти, 25 мая 1920 г. доложил в отдел Управления Коротоякского уисполкома: «...некоторые Волисполкомы занимаются прежде всего своим собственным благоустройством, например Ново-Уколовский Волисполком: некоторые члены занимаются самовольной порубкой лесов, кроме того один из членов Дунаев позволил обокрасть Ново-Уколовское Кредитное Товарищество... было постановлено арестовать Дунаева и отстранить от должности завволземотделом Бучнева.

По Репьевской волости: ...Предволисполкома Карпенко и Член-Секретарь Титаренко обращение которых даже с партийными товарищами довольно грубое, иногда бывают случаи выражения площадной брани... Кроме того было однажды ими конфисковано и распределено между собой имущество бежавших с белыми бандами...» [20, д. 51, л. 226, 226 об.].

Для привлечения общестности к контролю органов власти была создана Рабоче-крестьянская инспекция. Однако случалось, её сотрудники сами злоупотребляли служебным положением, как Эчкалле, который настаивал перед Президиумом Губисполкома о передаче мельницы ввиду якобы ее негодности своему другу, управляющему имением Турчанинову. Однако «комиссия Уземотдела... признала мельницу исправной и в своем постановлении высказалась за оставление этой мельницы при волисполкоме». Отдел Управления Воронежского уисполкома материалы данного дознания передал председателю Воронежской губчека Н. Е. Алексеевскому с просьбой «привлечь к ответственности по всем строгостям военного времени гр. Турчанинова, Эчкалле и Управляющего канцелярией Управления Советскими имениями при Губземотделе... Июля 15 дня 1920 г.» [10, д. 8, л. 42, 42 об.].

На председателя Лево-Россошанского волисполкома Казьму Ивановича Бугакова Коротоякский уездный отдел Управления 30 августа 1920 г. завел «два следственных производства», по 1-му делу обвиняя его «в растрате общественных сумм в количестве более 300 р., по 2 делу... в растрате казенных овчин и говяжьих кож и в спекуляции маслом, солью и проч.» [20, д. 5, л. 101].

Старо-Безгинский волисполком 15 июля 1920 г. доложил в отдел Управления Коротоякского уисполкома, что «6 июля по акту агента упродкома т. Чувилина за № 247 были арестованы граждане села Борового:

председатель исполкома П. Татаринцев, секретарь А. Боков и заведующий ссыпунктом А. Горликин за расхищение хлеба с пункта, как пойманные на месте преступления» [21, д. 11, л. 38, 38 об.].

В борьбе с взяточничеством Совнарком еще 9 мая 1918 г. издал декрет о наказании тех, кто вымогал взятки, и тех, кто давал. Он предусматривал лишение свободы на срок не менее 5 лет и направление на принудительные работы [27, с. 241-242].

Карали и того руководителя, чей подчиненный был уличен во взяточничестве. Исполком Готовской волости Коротоякского уезда доложил в уездный отдел Управления, что «согласно его распоряжения в июне 1920 г. уволили с должности члена волисполкома Ив. Ив. Фил» [20, д. 51, л. 227 об.].

Анализируя в июне 1920 г. причину частых арестов председателей и членов волисполкомов за преступления по должности, заведующий Информационно-инструкторского подотдела Павловского уезда Долгополов объяснил это результатом «смены лучших работников другими» [8, д. 76, л. 12, 13].

Жестокость в Гражданской войне по отношению к «чужим» распространялась и на «своих», иначе не было смысла воевать. Большевики боролись за то, чтобы коммунисты являлись в глазах населения образцом достойного поведения. К ним, как к партийным, применялись более суровые санкции, как нижеследующий приговор от 22 августа 1920 года выездной сессии Воронежского губернского революционного военного трибунала по борьбе с дезертирством по Павловскому уезду: «...рассмотрев дело по обвинению тов. Председателя Гвозденского Волисполкома гр. с. Гвозды Павловского уезда Воронежской губернии Попова Ивана Даниловича 37 лет... Он состоя членом РКП(б) и совершая такие поступки, как взяточничество и укрывательство дезертиров, пятнал лучших сынов Октябрьской революции...»

Гр-на Попова Ивана Даниловича как в корне опозорившего РКП(б), подорвавшего авторитет Советской власти, подвергнуть высшей мере наказания – РАССТРЕЛЯТЬ (*шрифт оригинала – Н. А., Т. Ф.*)» [Там же, д. 87, л. 159].

Заведующий отдела Управления Воронежского уезда в докладе о ходе работ за июль 1920 г. пожаловался в Президиум уисполкома о том, что «бандитизм поощряют лица, занимающие высокие посты в губернии» [10, д. 8, л. 40 об.]. Копия этого доклада была также послана напрямую в отдел Управления НКВД для проведения «самой строжайшей контрольной и следственной работы среди высших Губернских инстанций..., чтобы изъять элемент, прикрывающийся флагом советской работы» [Там же, л. 43].

В сводке Политбюро Алексеевского уезда за время с 1 февраля по 15 февраля 1921 г. указывалось на злоупотребления ответственных служащих: в превышении власти, взяточничестве, пьянстве и т.д. [7, д. 3, л. 5].

Негативное представление об отдельных партийцах и представителях власти население распространяло на всю власть и партию. Это отметили на совещании секретарей волисполкомов Коротоякского уезда от 14 января 1921 г.: «Настроение населения к советской власти и Р.К.П. неудовлетворительное и местами отрицательное, объясняется тем, что некоторые коммунисты и представители власти позволяют себе выходки, игнорирующие советскую власть и Р.К.П.» [14, д. 60, л. 4].

В качестве профилактики для улучшения состава своих рядов партия проводила «чистки». По выражению М. И. Калинина: «Чистка – это всенародный суд партии... здесь не только происходит отметание некоммунистических членов, а огромная политическая кампания для выработки партийным коллективом коммунистической этики и ее внедрения в толщу коммунистических масс» [28, с. 21].

В результате «чистки» рядов РКП(б) Воронежской губернии в ноябре 1921 года «многие ответственные работники оказались исключенными. Особенно в уездах. Всего по губернии явившихся на чистку 7.848 коммунистов (5.220 членов и 2.628 кандидатов), исключено 2.503 чел. т.е. 31,8%. Для усиления и оживления работы на местах Губкомом производится перегруппировка ответственных партийных товарищей» [7, д. 1, л. 19, 20].

Из всех 167 уголовных дел, рассмотренных в Губревтрибунале за первые 9 месяцев 1921 г., на должностные преступления было заведено 60 дел, что составляет 36%. Из всех совершенных должностных преступлений большую часть составляет взяточничество [31, с. 57, 58].

Заседание президиума исполкома Воронежского уезда от 20 июня 1922 г. постановило: «Бывшего Предволисполкома Тавровской волости т. Бирюкова за неисполнение распоряжений Уисполкома и его Отделов, халатное и небрежное отношение к делу, за допущение расхищения государственного имущества предать суду...» [9, д. 167, л. 98 об.].

Только в Воронежском уезде за период времени с сентября по октябрь 1922 г. было уволено 8 членов волисполкома и 10 председателей. Предано суду 8 членов волисполкома [Там же, д. 199, л. 150].

Факты взяточничества непросто было доказать, а развернутая кампания в прессе, расстрелы и «чистки» были малоэффективны. Это зло имело глубокие корни в российской истории и подпитывалось тяжелейшим хозяйственным положением страны.

По борьбе с взяточничеством в Воронеже была создана Губернская комиссия, делающая ставку на «обращение общественного внимания» к этой проблеме [7, д. 3, л. 84]. С этой целью Губкомиссия циркулярно разослала во все уисполкомы, во все партийные комитеты приказ от 29 декабря 1922 г. с грифом «Совершенно секретно», в котором предоставляла право самим адресатам выбрать методы и способы борьбы с взяточничеством в зависимости от «подходящей обстановки на местах». И давала указание, которое обязательно следовало выполнить, – организовать специальные ящики «куда опускаются населением жалобы на тех или других работников...». На парткомы через партячейки возлагалась задача широкой пропаганды среди населения цели и задачи организации указанных ящиков [Там же, л. 84, 84 об.].

Нарушения совершались на всех уровнях власти, за что следовали санкции вышестоящего руководства. Среди ответственных служащих низовых органов власти партийных было меньше и нарушения ими

совершались чаще. Санкции к ответственным служащим уездного и губернского уровней налагало вышестоящее руководство, т.е. НКВД или местная ЧК, которая передавала материалы своего расследования в Ревтрибунал. По этой причине сведения о принятых санкциях к таковым в ГАВО отсутствуют, а к фонду следственно-фильтрационных дел в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО) (материалы ЧК) доступ исследователям закрыт.

Таким образом, распространенными пороками ответственных служащих являлись пьянство, грубость, нетерпимость, чванливость и т.д. Среди должностных преступлений наиболее распространенными являлись произвол, взяточничество, хищение государственного имущества и т.д.

В борьбе с этими явлениями власть проводила публичные обструкции в прессе, «чистки», аресты, расстрелы, при этом рефреном звучал аргумент «за подрыв Советской власти». Эти меры являлись, по выражению В. П. Булдакова, «дисциплинирующим насилием» [1].

Чуткое реагирование советской власти на жалобы граждан, на сигналы с мест о злоупотреблениях ответственных лиц сыграли огромную роль для завоевания авторитета и доверия среди населения. Несмотря на недовольство продовольственной политикой большевиков, их кадровая политика в аспекте прилагаемых мер по формированию этики и неотвратимости ответственности должностных лиц вызывала поддержку и одобрение в обществе. Она укрепляла в народном сознании представление о власти как защитнице интересов честного труженика, поборнице справедливости, что дисциплинировало общество и способствовало упрочению советской власти.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и динамика революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с.
2. Вестник отдела Управления (орган Воронежского Губернского Исполкома). 1919. № 3. Январь.
3. Воронежская беднота. 1919. 5 января.
4. Воронежская Коммуна. 1920. № 12 (71). 18 января.
5. Воронежская Коммуна. 1920. № 40 (99). 22 февраля.
6. Воронежский красный листок. 1918. № 48. 18 августа.
7. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-4. Оп. 3.
8. ГАВО. Ф. Р-12. Оп. 1.
9. ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1.
10. ГАВО. Ф. Р-118. Оп. 1.
11. ГАВО. Ф. Р-144. Оп. 1.
12. ГАВО. Ф. Р-147. Оп. 1.
13. ГАВО. Ф. Р-245. Оп. 1.
14. ГАВО. Ф. Р-282. Оп. 1.
15. ГАВО. Ф. Р-425. Оп. 1.
16. ГАВО. Ф. Р-453. Оп. 1.
17. ГАВО. Ф. Р-484. Оп. 1.
18. ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1.
19. ГАВО. Ф. Р-538. Оп. 2.
20. ГАВО. Ф. Р-653. Оп. 2.
21. ГАВО. Ф. Р-653. Оп. 3.
22. ГАВО. Ф. Р-827. Оп. 1.
23. ГАВО. Ф. Р-1136. Оп. 1.
24. ГАВО. Ф. Р-1954. Оп. 1.
25. ГАВО. Ф. Р-2468. Оп. 1.
26. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 290. Оп. 2.
27. Декреты Советской власти: в 13-ти т. М.: Политиздат, 1959. Т. 2. 686 с.
28. Калинин М. И. Советы партийному работнику. Изд-е 3-е. М.: Политическая литература, 1986. 256 с.
29. Незвестная Россия: XX век. М.: Историческое наследие, 1992. Кн. 1. 354 с.
30. Окнинский А. Л. Два года среди крестьян. М.: Красный путь, 1998. 272 с.
31. Первый отчет Воронежского Губернского экономического совещания (на 1 окт. 1921 г.). Воронеж: 2-я советская типография, б.г.

MORAL AND ETHICAL IMAGE OF HIGH RANK SOVIET OFFICIALS AND STAFFING POLICY OF VORONEZH PROVINCE IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR (1917-1922)

Aleksanyan Nelli Arushanovna

Filonenko Tat'yana Vladimirovna, Doctor in History, Professor

Voronezh State Pedagogical University

edelweis65@yandex.ru; filonenkotv@gmail.com

The authors analyze the actions of Voronezh province high rank officials in the years of the Civil War, touch on the problem of their moral and ethical image, describe their most typical vices and types of crimes committed. The paper discovers how the facts of the high rank officials' deviant behaviour influenced social moods, examines the staffing policy of Soviet power in the aspect of measures to form ethics and sanctions towards the high rank officials abusing official power.

Key words and phrases: high rank officials; rudeness; drunkenness; bribery; theft of state property; inspection; Revolutionary Tribunal; "purge".